Бери и помни

Автор:
Татьяна Булатова

Бери и помни

Татьяна Булатова

Дуся Ваховская была рождена для того, чтобы стать самой верной на свете женой и самой заботливой матерью.

Но – увы! – в стране, где на девять девчонок, по статистике, восемь ребят, каждая девятая женщина остается одинокой. Дуся как раз была из тех, кому не повезло.

Но был у Дуси дар, который дается далеко не всем, – умение отдавать.

Семейство Селеверовых, к которым Дуся прикипела своей детской, наивной душой, все время указывало ей на ее место: «Каждый сверчок знай свой шесток».

Они думали, что живут со сверчком, а на самом деле рядом с ними жил человек, с которым никто не сравнится.

Татьяна Булатова

Бери и помни

Все совпадения в романе случайны. События и персонажи являются вымыслом автора

Римка Некрасова жила в бараке. А Дуся – в однокомнатной квартире нового трехэтажного дома, построенного для итээров завода без имени, зато за номером, который уже стерся из памяти, равно как и сам завод, закрытый из-за отсутствия производственной необходимости в девяностые годы.

Когда-то это был совершенно особый дом, уважительно называемый заводскими аборигенами «итээровской сталинкой». Отсюда, с улицы Ленинградской, взяла начало обреченная на медленное вымирание будущая интеллигенция Нижней Террасы – самого захудалого краснопролетарского района провинциального города Ульска.

В «доме образцового порядка», как сообщала прикрученная к дверям первого подъезда табличка, жили итээры завода и их семьи. Дуся к итээрам никакого отношения не имела. Можно сказать, квартиру в знаменитой «сталинке» она занимала по недоразумению.

Просто накануне очередной годовщины Победы в Ульск приехал Брежнев и выступил перед рабочими знаменитого на всю страну оборонного предприятия. Дуся как передовик вредного производства была делегирована на встречу с главой государства и стояла в цеху, зажатая со всех сторон лучшими из лучших представителей рабочего племени.

– Кто это? – поинтересовался Брежнев, обратив внимание на гренадерский рост женщины.

– Щас узнаем! – пообещало руководство завода и, опережая события, под руки вывело на сцену ни о чем не подозревавшую Дусю.

– Хороша! – отметил генеральный секретарь и от переизбытка чувств неожиданно обнял работницу.

Администрация завода сочла это знаком и решила разбавить отряд итээров представителем иного сословия. Так Дусе выделили квартиру. И по заводу поползли слухи… В чем только ее не подозревали! Даже в порочащих связях с начальником отдела кадров. Между прочим, совершенно напрасно: Дуся была девицей.

Биография Римки Некрасовой была незатейлива и банальна: третий ребенок, единственная девочка в семье заводских пролетариев четвертого поколения с момента отмены крепостного права.

У Дуси не было ни сестер, ни братьев. Происходила она из ульских мещан.

Римкин батя гордился своей фамилией и, бывало, в кругу товарищей заявлял:

– Из Некрасовых мы…

– Из каких это из Некрасовых? – интересовались собутыльники.

– Из тех… – многозначительно отвечал пролетарий и цитировал:

Гляжу…

забирается медленно в гору

Лошадка… а с нею – пацан и возок…

Отец Дуси, скромный бухгалтер райфо, на вопрос анкеты «Каким иностранным языком владеете?» отвечал «Не владею», а еще чаще ставил жирный прочерк напротив пунктов, характеризующих гражданскую состоятельность анкетируемого: «не владею», «не имею», «не претендую», «не был», «не являлся», «нет», «нет», «нет».

Погиб Степан Игнатьевич Некрасов под колесами поезда, неожиданно налетевшего на него в самое неурочное время: по пути из бани домой. Завидев надвигающийся паровоз, пролетарий Некрасов обиделся и решил встретить врага лицом, чтоб неповадно было. В результате машиниста осудили (срок точно неизвестен), а обезображенное тело работяги Некрасова доставили в морг. Похороны сыграли по-семейному, то есть всем бараком. Последний блин с медом достался участковому, а четверо детей – вдове покойника, плохо соображавшей по причине хронического опьянения.

Дусин папа ушел из жизни незаметно. Тихо. Не отходя от рабочего места, повалившись на бок с таблеткой нитроглицерина под языком. Сердобольные сотрудницы вызвали «Скорую» и позвонили дочери сослуживца, предварительно

кинув жребий. Сообщить скорбную весть выпало самой молодой сотруднице финансового отдела Зиночке. От перенапряжения она заплакала, пошла красными пятнами и прорыдала в трубку:

– Зна-а-аете-е-е… Это я-а-а-а.

На ответное недоумение уточнила:

– Зи-и-иночка.

– Кого надо? – проорала трубка сварливым старушечьим голосом.

– А Ваховские здесь живу-у-ут? – рыдая, поинтересовалась сотрудница.

– Дуньки нету дома, – отрезала трубка. – А сам-от на работе…

Последняя фраза «А сам-от на работе» в сознании Зиночки остановила вращение земного шара, и мир полетел в тартарары окончательно и бесповоротно.

– Дай-ка мне, – раздраженно скомандовала самая старшая сотрудница финансового отдела Клавдия Михайловна и взяла инициативу в свои руки:

– С прискорбием сообщаю…

На том конце провода появился искренний интерес к собеседнику:

– Ба-а-а-а! Чо ли, помер сам-от?

– Помер… – сменила интонацию Клавдия Михайловна, отказавшись от протокола. – Сердце…

– Ба-а-а-а! – снова изумилась трубка и пообещала передать информацию дочери: – Чай скажу, чо мы, не люди, чо ли…

Схоронили-помянули-забыли.

И только Дуся на каждую родительскую лезла на Майскую гору, прибирала и без того ухоженную могилку и буднично сообщала:

– Вот и я, пап. Замуж не вышла.

Через год число посещений кладбищенского приюта сократилось до разумного, но приветствие осталось почти таким же:

– Какой уж там замуж! Нет, папа.

Еще через год молча крошила пасхальное яичко и втыкала восковую ромашку рядом с голубой пирамидкой.

Когда Дусе исполнилось сорок три, позвали замуж. Имя и фамилия жениха стерлись из памяти быстрее, чем высохла земля после летнего ливня. Товарки по цеху кандидата в мужья подняли на смех из-за маленького роста: «В одном гробу можно хоронить. Как раз у тебя в ногах поместится!»

Дома Дуся с огромной печалью рассматривала в большом зеркале свои ноги. Не ноги, а высоковольтные столбы. Размер обуви – сорок два. Ни одни приличные туфли не достать. Что ж, на свадьбу в ботинках топать? И потом, смущала профессия жениха: дамский портной. «Это что же значит, – размышляла про себя Дуся. – Каждый день голых женщин обмеряет?» – «Да почему это голых-то?» – робко, шепотом подсказывал здравый смысл. «А каких же?!» – с уверенностью отмахивалась от него Дуся и ложилась в свою одинокую никелированную кровать с панцирной сеткой. Кровать привычно принимала большое хозяйское тело, приветствуя его жалобным скрипом.

У Римки, к слову, кровати отродясь не было. Спали вповалку на сбитом покойным Некрасовым настиле, друг на друге: взрослые – с краю, мелкотня – в серединке. Римка ненавидела этот коллективный сон, ненавидела сестер и братьев вместе с вечно поддатой матерью и приходившими к ней гостями. «А чо я?» – мычала глава осиротевшего семейства и натягивала на опухшую рожу засаленное одеяло. «Прав ее лишить!» – бунтовала трезвая половина барака и строчила жалобы участковому. До них ли было блюстителю порядка? На то он и барак, чтоб за чужими детьми присматривать. «В этом – сила коллектива!» – цитировал участковый неизвестно где подсмотренный или услышанный лозунг и щегольским жестом натягивал фуражку прямо на нос.

Дуся жениху отказала: какой от него прок? Квартира своя, жизнь налажена. Только людей смешить. А родить? А чего родить-то? Поздно уже. Сорок четвертый пошел. Ребенка в школе задразнят: «Бабушка за тобой пришла!»

То ли дело Римка! Худая, мосластая, волосы гидроперитом выбелены, губы на пол-лица… По коридору в бараке идет, вихляясь. Халат распахивается, а под ним – ноги. Не ноги – мечта! Мускулистые, гладкие, кожа, словно лакированная, блестит в полумраке. Только и слышно: «Здрасте, теть Маш… Здрасте, дядь Ген… Здрасте… Здрасте… Всем здрасте, уроды барачные! Это иду я, Римка Некрасова. Иду и ненавижу вас всех…»

Несколько раз Римку били. Свои же, тетки. Те самые, которые письма участковому писали, подкармливали, от материнских мужиков прятали, чтоб греха не случилось. Били и приговаривали: «Не зарься на чужих мужей, сучка!»

«Спите спокойно, теть Маш, теть Валь, теть Люб, кому ваша пьянь нужна?!» – отбивалась Римка и с надеждой смотрела в конец длинного коридора. Где-то там, в дымной темноте, брезжила заря освобождения от оков барачной жизни. «А вдруг?..» – мечтала Римка и внимательно оглядывалась по сторонам.

Стороны разнообразием не изобиловали: дворовая шпана, районная шпана, шпана городского масштаба. «Не хочу!» – обиделась на скромное предложение судьбы Римка Некрасова и поступила в ПТУ номер пять на специальность «швея-мотористка».

Полгода вхождения в специальность завершились свадебным торжеством: Римка стала Селеверовой и переехала из одного конца барачного коридора в другой. Барак вздохнул с облегчением: опасность оказалась нейтрализована – у Римки наступила беременность, разрешившаяся двойней.

Забеременела мечтой и Дуся. О маленьком домике на шести сотках и чтобы «виктории» досыта, и цветы вдоль забора, и яблони по периметру. «Зачем тебе? – недоумевали многодетные тетки. – Ни детей, ни плетей. Квартира отдельная. Живи – радуйся. По курортам разъезжай. Романы крути!» – «Скажете тоже, романы!» – смущалась Дуся и потихоньку старилась на своем вредном производстве, продолжая мечтать о летнем счастье.

* * *

Встретились они в заводской женской консультации, где ожидали приема у участкового гинеколога. В живой очереди преимуществ не было ни у кого, кроме беременных и женщин с кровотечениями. Ни к первому, ни ко второму разряду сидевшие в коридоре, видимо, отношения не имели. Во всяком случае, про свою неожиданно наступившую беременность Римка еще не знала, ибо твердо верила в невозможность зачатия на фоне кормления грудью.

Дуся застыла на стуле как изваяние, напоминая ни много ни мало знаменитую египетскую Хатшепсут, причем как фас, так и в профиль. Не хватало только каменного парика и скользящего по нему уреуса. Впрочем, их с легкостью замещало наклеенное на ватман изображение беременной женщины, под носом у которой были нарисованы продукты первой необходимости: творог, сыр, говяжья печень, фрукты и зачем-то градусник, показывающий идеальные тридцать шесть и шесть.

Римка сидела рядом, маленькая, сухонькая, как левретка. Разве что не тявкала. Она периодически вскакивала с места, подбегала к двери, заглядывала в замочную скважину и, хлопнув себя руками по бедрам, неслась в конец коридора к выходу, где около хлопающих дверей стояла огромная, как монумент, красная коляска под двойню. Подбежав к детскому транспортному средству, Римка заглядывала внутрь, облегченно выпрямлялась и сообщала хриплым голосом санитарке, сидевшей около гардероба: «Спя-а-ат!»

– Ну и слава богу, – с пониманием шамкала та беззубым ртом и позвякивала алюминиевыми номерками, нанизанными на серую бечевку.

Успокоившись, Римка возвращалась на место и бухалась на него своим костлявым задом. Через пять минут она вскакивала снова и начинала двигаться по уже хорошо освоенному маршруту.

– Го-о-о-споди! – застонала томившаяся в очереди старуха. – Сядь уже. В глазах рябит. Туды-сюды! Туды-сюды!

– А ты не смотри! – предложила Римка и вновь воткнулась глазом в замочную скважину.

– Так как же не смотри! Смотрится! Никакого покою нету.

– Покой тебя, бабка, на том свете ждет! – пообещала Римка и унеслась к коляске.

– Никакого уважения, – объявила на весь коридор старуха и на всякий случай встала у самой двери в кабинет, дабы эта «прошмандовка без очереди не шмыгнула».

– Правильно! – вразнобой поддержала очередь разобиженную бабку.

В этот момент Дуся вышла из оцепенения и посмотрела со своих хатшепсутовских высот на землю, затянутую затертым линолеумом больничного коридора.

– Вахо-о-о-вская! – выкрикнула медсестра и вновь исчезла за дверью.

– Меня, что ли? – глупо полюбопытствовала Дуся, приветливо улыбнувшись грозному часовому.

– Ну-у-у… – протянула старуха. – Коли ты эта… Ахонская… значит, тебя. Иди, чо ли, а то эта бесстыжа проскочит.

«Бесстыжа», углядев колебания в очереди, метнулась от коляски обратно.

– Меня? – подбежала Римка.

– Как же! Обязательно! Тебя! Вон энту… – Старуха ткнула в Дусю пальцем. – Ахонскую.

Римка с тоской посмотрела в полуприкрытые глаза Хатшепсут и опустилась рядом на стул.

– Так чего же вы? – обратилась к ней Дуся. – Идите. Я – за вами…

Римка вытаращила от неожиданности глаза и подпрыгнула:

– Пра-а-вда?

Хатшепсут подмигнула правым глазом и указала на дверь. Очередь заворчала.

– Она за мной, – пророкотала Дуся и подтолкнула молодую мамашу к двери. – Идите-идите.

Римка сбросила обувь и ворвалась в кабинет.

– О-о-ох, на-а-аглая какая! За мно-о-о-ой она! – подвела итог старуха и вынесла приговор: – И ты тожа бесстыжа!

Так Дусю раньше никогда не называли. Повода не было. «Дылдой» да, звали. «Кобылой», «лошадью Пржевальского» – тоже. «Коровой» иногда. Дуся не обижалась, ибо свято верила: «Кто обзывается, тот так и называется». Со школы она говорила обидчикам так, как советовал ей папа: «Вот сам (сама) ты это слово!» – и гордо поворачивалась к нему (ней) спиной.

Точно так же, как разбивались о глиняные ноги Хатшепсут всевозможные летающие насекомые, отлетело от Дуси и ее новое имя «Бесстыжа». Неуемная старуха, обнаружив полное Дусино равнодушие, в долгу не осталась и презрительно уточнила:

– Ты! Ты… Неча отвертываться-то…

По очереди пронесся вздох осуждения. Пронесся и стих. Дуся прикрыла глаза.

– Э-э-эй, – потянула Дусю за рукав соседка справа. – Энта жиблая – дочка твоя, штоль?

– Кто? – растерялась Евдокия Ваховская.

– Энта. – Старушка кивнула на дверь.

У входа в кабинет по-прежнему стояла старуха, добровольно принявшая на себя обязанности общественного обвинителя, и грозно смотрела на Дусину соседку-ренегатку. Та, почувствовав на себе неодобрительный взгляд, потупилась и

заговорщицки прошептала Дусе на ухо:

– Злые какие люди! Зверь прям, а не люди.

Не успела Дуся ответить соседке, как дверь кабинета распахнулась и из него вылетела Римка с лицом полной решимости:

– Вот сами и рожайте! – бросила она через плечо медработникам и стремительно направилась по знакомому маршруту в конец коридора.

– Девушка! – вскочила с места Хатшепсут. – Обувь! Обуться забыли.

– Ччерт! – выругалась Римка и вернулась обратно.

Старуха у дверей лакированной палкой пренебрежительно вытолкнула стоптанные босоножки на середину коридора.

– Костыль убери! – хрипло прикрикнула на нее Римка и отточенным движением вставила узкие стопы в видавшие виды босоножки.

– Ты все-таки подумай, Селеверова, – обратилась к ней врач, не вставая с места. – С мужем посоветуйся.

– Сама с ним советуйся! – огрызнулась Римка и возобновила прерванное движение.

В кабинете у гинеколога Дуся пробыла ровно пять минут, чему очередь, растревоженная нерегламентированными подвижками, была чрезвычайно рада.

– Заходите! – объявила Ваховская и зашлепала по коридору, волоча за собой разношенные шлепки сорок второго размера. Впереди ее ожидало летнее счастье в виде дощатого домика, выкрашенного нежно-голубой масляной краской.

Дуся распахнула двери женской консультации и шагнула в июльское марево. «Па-а-арная!» – подумала про себя Евдокия Петровна и медленно начала спускаться с крылечка, ставя ноги боком – стопа не умещалась на покрытых

растрескавшейся плиткой ступеньках. Дуся к такому неудобству привыкла, равно как и к тому, что на помощь ее всегда звали в числе первых: подержать, донести, поднять, разгрузить. К тонкой работе ее обычно не привлекали, хотя умений у Дуси было более чем достаточно: кружева плела, вязала, расшивала бисером. В заводском Доме культуры ее работы даже на выставке представляли. Правда, глядя на них, трудно было представить, что сделано это Дусиными руками. Посетители подходили к торчавшей истуканом Евдокии и вежливо спрашивали: «Неужели это вы? Ни за что бы не подумали! Вам бы только подковы гнуть». Но Дуся не обижалась. Уж что бог дал, то дал…

Спустившись с крыльца, Дуся браво зашагала к дому с единственной целью: переодеться в рабочее – и в сад. Довольно быстро она догнала сгорбленную Селеверову, рывками толкавшую перед собою красную коляску, содрогавшуюся от детского рева.

Римка втянула голову в плечи, закусила губу и, не обращая внимания на визг младенцев, двигалась вперед с абсолютно тупым выражением лица.

– Девушка, – поравнялась с ней Дуся. – Хотите, я коляску повезу?

Римка не повернула головы. Похоже, от ора она просто оглохла.

Дуся, не дождавшись ответа, решила доброе дело в ящик не откладывать и самовольно взялась за отлакированную руками счастливой матери ручку коляски. Селеверова вздрогнула от неожиданности и приняла агрессивную позу.

– Да-вай-те я вам по-мо-гу, – по слогам произнесла Ваховская и улыбнулась угрюмой Римке.

– Давайте, – выдохнула та без тени признательности и добавила с остервенением: – Да замудохалась я тащить на себе этот гроб! Орут, как оглашенные.

Дуся даже ухом не повела, просто покатила коляску вперед, как будто делала это всю свою сознательную жизнь. Римка пристроилась рядом, еле приподнимая свои мосластые загоревшие ноги. Поблагодарить Дусю за вторично оказанную любезность ей даже не пришло в голову. Казалось, Римку посетила какая-то дискретная амнезия, вследствие которой из памяти стерлось лицо уступившей

ей очередь женщины. Да и сама Дуся на факте произошедшего час назад знакомства и не настаивала.

– Кто там у вас? – поинтересовалась Ваховская. – Мальчишки?

– Если бы… Девки.

– Девочки? – обрадовалась Дуся. – Можно посмотреть?

– А чо нельзя-то? Смотрите! То еще добро!

Дуся с трепетом заглянула в коляску и обнаружила в ней двух щекастых полугодовалых девиц.

– Близняшки? – восхитилась Ваховская.

– Не… разные. Одна вон – здоровущая, мордастая… А другая – еле вылезла, с кривошеей и срыгивает все время…

– А назвали как?

Римка наморщила лоб и, сделав над собой какое-то усилие, выговорила, поочередно указывая пальцем то на одну, то на другую девочку:

– Эта вот Анжелика. А это Элона.

От того, как Римка переводила взгляд с одного младенческого лица на другое, менялся и ее голос. Похоже, имя «Элона» ей нравилось больше, так как произносила она его нараспев, даже хрипотца в ее голосе слышалась не так явственно:

– И-ло-о-о-о-она…

«Любимица», – подумала про себя Дуся и ткнула пальцем в щекастого младенца.

– Это Элона?

Римка презрительно взглянула на любопытную тетку, заподозрив ту в слабоумии.

– Это Анжелика. Вон рожа какая.

«Не любимица», – догадалась Дуся и перевела взгляд на покрытое испариной скукоженное личико второй девочки.

– Подвиньтесь-ка, – панибратски отодвинула Римка спутницу и вытащила одну из девочек из душного нутра красной коляски.

– Элона?

– Ну… Вспотела вся. И жрать хочет… – В Римкиных глазах промелькнуло что-то вроде жалости. – Скоро уже, – пообещала она дочери и скомандовала: – Быстрей давайте.

Дуся послушалась и браво покатила коляску вперед по вытоптанной сотнями беременных и просто женщин тропке.

– Так быстрее, – объяснила она просевшей под тяжестью младенца молодой мамаше.

Римка не возражала: она пыталась не отставать от своей спутницы. Для этого Селеверовой приходилось делать большие шаги, отчего походка ее становилась тяжеловесной, а со стороны вообще казалось, что она передвигается прыжками, как лягушка.

– Вы где живете? – неожиданно догадалась поинтересоваться Дуся.

– Ленинградская, девять, – задыхаясь, сообщила Римка и взмолилась: – Можно помедленнее? Несемся, как идиотки!

Дусе не очень был понятен предложенный Селеверовой образ идиоток, но на всякий случай она решила ничего не уточнять и прислушаться к просьбе.

– Так вы же сами сказали, что девочек кормить пора!

– Я-а-а? – опешила Римка и остановилась как вкопанная. – Слушай, тетка, тебе чего надо-то от меня? Я вроде как нищим не подаю…

– Я не нищая, – насупилась Дуся, но коляску из рук не выпустила, а чуть-чуть помолчав, добавила: – Я, между прочим, тоже на Ленинградской живу. Пятый дом.

– Барский? – ехидно поинтересовалась Римка.

– Обыкновенный, – продолжала Дуся, не обращая внимания на подвох. – Вот и подумала, почему не помочь, все равно по пути.

Селеверова открыла рот, но неожиданно для себя промолчала.

– Немного осталось, – обнадежила Дуся вконец измотанную Элоной Римку и прибавила шаг.

Селеверовой же не оставалось ничего другого, как плестись следом за неожиданно возникшей нянькой и проклинать мужа, по вине которого пришлось тащиться по жаре в эту идиотскую женскую консультацию.

«Чтобы я?.. Да рожать? Да ни за что! Хоть режьте… А еще ведь говорят, пока кормишь, не беременеешь… Как же! Не беременеешь! Еще как беременеешь…» – возмущалась про себя Римка, набираясь смелости для того, чтобы сказать своему Селеверову: «Нет! Нет! Нет! И еще раз нет!»

– Дошли почти! – объявила Дуся и встала как вкопанная.

Римка налетела на нее, не успев сбавить шаг.

– Чего еще? – недовольно буркнула Селеверова, разом просев под тяжестью уснувшей девочки.

– Кла-ди-те, – шепотом приказала Дуся и на всякий случай ткнула пальцем в недра коляски, где, раскинувшись, спала Анжелика, вывернув нижнюю губку в

неведомой обиде.

Римка послушалась и положила Элону рядом с сестрой. Девочка приоткрыла глаза и тут же их закрыла: внутри коляски было так же жарко и влажно, как и на материнских руках. Зато завозилась Анжелика и недовольно всхлипнула.

– Ч-ч-ч-ч-ч-ч-ч, – затрясла коляску Дуся, оберегая детский сон. – Ч-ч-ч-ч-ч-ч…

– Поехали, – выдохнула Римка, и процессия тронулась в путь.

Дуся ледоколом двигалась к улице Ленинградской, не обращая внимания на Римкины причитания:

– Ненавижу! Ненавижу эту жару! Селеверова! Детей ненавижу!

– Что вы, милая, – не выдержала Дуся. – Это же такое счастье! Муж, дети.

– Муж… дети, – передразнила ее Римка и зло заплакала: – Не-на-ви-жу! Надоело! Не спать, не жрать, не срать по-человечески! Теперь еще аборт этот… Рано еще! – вспомнила она визит к врачу. – Пусть подрастет… Идиоты! – заорала она и размазала по лицу слезы.

Дуся смотрела на Селеверову во все глаза и не знала, что сказать в утешение. Ее, Дусин, жизненный опыт был так скуден и скучен: в нем не было ни мужа, ни детей, ни абортов. В нем не было ничего, кроме могилки на Майской горе и летнего домика на шести сотках, выделенных родным заводом. Да, еще квартира в итээровском доме, но в этом, думала Ваховская, не было ничего примечательного. В коммуналке казалось даже веселее, там шумели неугомонные соседки и отмечались общие праздники.

До Ленинградской дошли молча. Утрамбованная женскими ногами тропка сменилась асфальтовой дорожкой. Римка бесцеремонно отобрала коляску у неожиданно свалившейся ей на голову волонтерши и, выпрямив спину, покатила к своему бараку.

– Я здесь живу, – крикнула ей вслед Дуся и показала рукой на пятый дом.

– На здоровье, – не поворачиваясь, тявкнула Римка и, преодолев порог, вкатила коляску в распахнутые двери барака.

Дуся проводила Селеверову взглядом и медленно пошла к своему знаменитому дому, где под самой крышей ее ждала стародевичья квартира с расставленными строго по местам вещами, с огромным комодом светлого дерева, покрытым накрахмаленной кружевной салфеткой.

Дуся тяжело поднялась на третий этаж, отомкнула дверь и села, вытянув ноги, на детский хохломской стульчик, доставшийся, видимо, от прежних хозяев. В квартире было душно. Дуся, кряхтя, поднялась, прошла в комнату и распахнула настежь окна. С улицы в комнату ворвался поток жаркого июльского воздуха, от духоты было трудно дышать.

Стянув влажное от пота платье, Дуся вытерла им грудь, подмышки и подошла к зеркалу. В нем отразилось тронутое увяданием тело. Она оттянула трусы за резинку и встала боком. Краше от этого отражение в зеркале не стало. Женщина втянула живот, отчего фигура стала еще безобразнее, потому что в столбе тела к тому же образовалась дырка. Для пущей убедительности Дуся ткнула кулаком в пустой живот, со свистом выдохнула – дырка исчезла. На всякий случай Ваховская сделала несколько упражнений из гимнастического комплекса, освоенного еще в школе: руки выше – ноги шире. Чуда не произошло: кисель – на бедрах, кисель – на животе, кисель – на ягодицах.

Огорчившись, Дуся натянула синие спортивные брюки, завернув их до колен, вылинявшую от пота футболку невнятного оттенка, на голову – шляпу из искусственной соломки с бахромой и, прихватив сумку с «сухим пайком» на обед, отправилась на дачу.

Из подъезда Дуся шагнула, как Петр Первый с корабля на сушу. Шагнула – и встала как вкопанная: во дворе среди пыльных лопухов, росших вдоль опалубки барака, стояла знакомая красная коляска. Сердце Ваховской тревожно екнуло. Как это часто в ее жизни бывало, она неожиданно почувствовала ответственность за то, к чему не имела ни малейшего отношения.

Дуся промаршировала через детскую площадку к зарослям лопухов и встала около коляски, как часовой у Мавзолея. Назначив себя на боевой пост, она напрочь забыла о дачных планах и замерла с авоськой в руке. Из коляски не

доносилось ни звука, что Ваховскую несколько смущало. Но она продолжала изо всех сил крепиться, всем видом показывая, что ей, в сущности, все равно, что происходит в брюхе этого огромного красного корабля. И вообще, стоит она здесь и стоит, никого не касается.

Это оказалось глубокой ошибкой: что такое «никого не касается», когда ты стоишь перед дюжиной распахнутых окон заводского барака! Многочисленные теть Мань, теть Галь, теть «Не знаю, как тебя там» тут же забили тревогу и забарабанили в дверь селеверовской комнаты.

– Чего еще? – возмутилась разбуженная барачным женсоветом Римка.

– А ничего! – успокоили ее теть Мань и компания. – Няньку, что ли, наняла? Целый час около твоих девок торчит. Смотри, недосчитаешься…

Римка метнулась к окну, за которым обнаружила не только коляску, но и приставленного к ней гренадера в шляпе с бахромой. Селеверова перелезла через подоконник и в секунду оказалась рядом. Не успела Римка открыть рот, чтобы выказать все свое недовольство, как правонарушитель в закатанных по колено синих спортивных штанах радостно зашипел:

– Здравствуйте. Вы меня узнаете? Мы сегодня с вами вместе из консультации шли. Вот выхожу сейчас – смотрю, коляска стоит. И никого рядом. Я и встала. Думаю, присмотрю. Как бы чего не случилось. А здесь все в порядке. Спят ваши девочки. Я только марлю поправила, чтобы, не дай бог, никакая муха не залетела… Вы отдыхайте, я, если надо, постою…

Римку замутило. И непонятно, отчего больше: то ли из-за незапланированной беременности, то ли из-за тошнотворной доброты привязавшейся бабы.

– Вам нехорошо? – шепотом поинтересовалась Дуся.

Римка едва успела перелезть через подоконник обратно в комнату, как ее тут же вырвало, потом еще раз. Обессилев, Селеверова прилегла на кровать, проклиная темперамент супруга и собственную податливость.

– Послушайте! – донеслось до нее из-за занавески.

Римка с трудом открыла глаза.

– Это я… Дуся, – шипел часовой в шляпе. – Давайте я с вашими девочками погуляю… А вы отдохните… Можно?

Селеверовой было все равно. Она, между прочим, вообще хотела умереть. Раз и навсегда, из-за несбыточности мечты. Римка хотела отдельную квартиру, другой город, детдомовское детство, чтобы никаких родственников рядом, одного ребенка, можно Элону, и хватит. А получила комнату в родном бараке, пьянчужку-мать по соседству, строгого мужа, орущих двойняшек, беременность и аборт в перспективе.

Селеверова дотащилась до окна, откинула занавеску, оперлась руками о подоконник и хрипло проговорила:

– Слушай, тетка. Как там тебя?

– Дуся… – подсказала Ваховская.

– Дуся, – повторила Римка. – Если ты в няньки набиваешься – денег у меня нет. Платить нечем. Чего ты хочешь-то?

– Ничего, – призналась Дуся. – Помочь хотела. Уж больно девочки ваши славные. И вы… – Ваховская извинительно улыбнулась. – Ма-а-аленькая такая, худенькая. Жалко вот как-то… Простите…

– Ну-у-у?..

– Я могу гулять с ними, а вы делайте свои дела. Бесплатно. Просто.

– Тебе-то это зачем? – не веря своим ушам, поинтересовалась Селеверова.

– Вы не думайте ничего. Я одна просто живу. Иногда так хочется, чтоб вот рядом кто-то. А если сомневаетесь, так меня на заводе знают. Спросите: Евдокия Петровна Ваховская. Седьмой цех. Ленинградская, пять, квартира восемь. Помочь просто…

– Денег нет, – тупо повторила Римка и с ненавистью посмотрела на волонтершу из итээровского дома.

– Не надо… – радостно замотала головой Дуся.

Селеверова прикрыла глаза и встала на коленки около подоконника в надежде, что тошнить будет не так сильно.

– Как хочешь, – ответила она Ваховской. – Мне все равно. Хочешь – гуляй, хочешь – стой. Обоссутся – пеленки в кармане коляски. Кормить часа через два. Будут орать – соску в рот. Вода – за пеленкой.

– Понятно, – воодушевилась Дуся и расплылась в глуповатой улыбке, обнажив розовые десны. Выглядело некрасиво.

Римку замутило еще сильнее, и она отползла к кровати.

Ваховская метнулась к окну, в порыве откинула занавеску и обнаружила Селеверову лежащей на кровати. Ее снова рвало.

– Извините, – пробасила Дуся и вернулась на свой боевой пост.

Для первого раза новоиспеченная нянька уйти со двора не решилась и замерла около красной опочивальни двойняшек. Давно Дуся не чувствовала себя такой счастливой. У нее было все: летний домик, собственные огурцы и две чужие девочки со звучными именами Элона и Анжелика. Глупо улыбаясь, Ваховская смотрела поверх коляски и видела себя в окружении двух живых кукол с капроновыми бантами на голове. Куклы нежно щебетали, хлопали длинными ресницами и тянули к ней ручки. «Как легко сбываются мечты!» – подумала Дуся и закрыла глаза, дабы подсмотренное видение не пропало. К сожалению, досмотреть до конца идиллическую сцену Ваховской не удалось: одна из девочек проснулась и закряхтела.

Дуся нагнулась над коляской, откинула марлю и обнаружила одну из двойняшек в полной боевой готовности к реву.

– Ч-ч-ч-ч-ч-ч-ч, – запричитала Ваховская и что было силы затрясла коляску.

Девочка вскинула глаза на источник звука и наткнулась взглядом на незнакомое лицо, старательно улыбавшееся ей. По тому, как скривилась детская мордашка, Дуся поняла, что сейчас раздастся трубный рев, от которого придет в движение все живое, а не только посапывавшая рядом сестренка.

– Не плачь, не плачь, не плачь, не плачь! – зачастила Ваховская и вытащила девочку из коляски. – Ой лю-ли, лю-ли, лю-ли… – пела Дуся как умела. – При-ле-те-ли жу-рав-ли… При-ле-тели пти-и-ич-ки… Птич-ки-невели-и-и-ички…

Кроха таращила на незнакомую тетку глаза, но не ревела: просто поджала губки. Обнадеженная детским молчанием, Дуся перешла на «ля-ля» и затрясла младенца изо всех сил. Эффект наступил практически мгновенно: девочка сомкнула ресницы и благополучно уснула.

– Спи, котеночек, усни… Угомон тебя возьми… Маму, папу, бабушку… И большую ладушку… – выла Ваховская, не давая себе отчета в том, кто же эта «большая ладушка». Да это и неважно. Дусе нравилось ее творчество: слова складывались сами собой в песни общечеловеческого содержания, доступные ребенку любой национальности любой страны мира. Если бы Ваховская запела то же самое на немецком или французском языке, младенец отрубился бы с той же скоростью, потому что главное в песне были не слова, а завораживающий ритм ритуального танца, который исполняет женщина любого племени вокруг того, что обычно называется колыбелькой.

Дуся в силу отсутствия опыта никак не могла догадаться, что девочку вполне можно вернуть на место. Поэтому, прижимая впервые убаюканное ею дитя к груди, Ваховская расхаживала вдоль барака, как цапля по болоту, всякий раз поднимая высоко ноги для того, чтобы перешагнуть через лопухи.

Именно за этим занятием и застала ее пьянчужка Некрасова, мать Римки, а также еще трех особей мужского пола. Шла мамаша по направлению к бараку, удерживая курс благодаря внутреннему навигатору, подобному тому, который указывает стае перелетных птиц дорогу на юг. Похоже, у вдовы пролетария Некрасова навигатор включался автоматически и переставал работать только в момент, когда цель можно было считать достигнутой. Относительно, конечно. Степень относительности могла варьироваться в диапазоне от точного попадания в комнату до временного забытья в коридоре или в дворовых лопухах.

Если пьяницу обнаруживали соседи, то звали Римку, не тратя время на разговоры, а просто произнося одно слово: «Иди». И Селеверова шла, хотя миллион раз обещала себе оставить «подыхать эту сволочь там, где лежит». Какая-то неведомая сила толкала Римку в худую спину, и она снова и снова тащила дурно пахшую бормотухой и мочой мать домой, укладывала на знаменитый настил и даже укрывала чем придется.

Правда, если неподалеку оказывался ее муж Олег, Римка запиралась в комнате и смотрела в одну точку, не реагируя на материнские вопли:

– Ри-и-имка, твою ма-а-ать! Креста на тебе не-е-ет… Я чо, просто так тебя выродила?..

Селеверов, тяжело ступая, выходил из комнаты и шел на голос тещи, матерившейся и скулившей одновременно. И как бы ни была пьяна Римкина мать, увидев зятя, она замолкала и закрывала лицо руками. Олега она боялась.

Зять брал тещу за что придется, волоком тащил в комнату и молча бросал прямо у порога. Все, что мог, он уже сказал, когда увидел ее под окнами роддома в обнимку с очередным Римкиным «отчимом».

– Увижу рядом – убью, – пообещал он теще и строго посмотрел на ее собутыльника.

Мужик было решил вступиться за возлюбленную, но очень быстро отказался от этой своей затеи, почувствовав на своей шее металлические пальцы Олега Селеверова.

Римка наблюдала за ними сверху и молча плакала. Немногословный Олег жестом показал жене, что готов свернуть шею ее гостям. Римка испуганно затрясла головой. Обошлось без жертв. И ножки тоже не обмывали. «Не хер делать, мразь эту приваживать», – сообщил жене Олег и испортил очередной праздник. Барак вздохнул, одна половина – с облегчением, другая – с грустью: ни тебе выпить, ни закусить, ни покуражиться. И первое, и второе, и третье стало опасным: Селеверов мог убить. Он не сидел в тюрьме, не был замечен в драках, не пил с кем попало. В нем на первый взгляд не было ничего особенного. Но тем не менее было что-то, не определяемое человеческим разумом, но воспринимаемое животным нутром. Что-то, что заставляло Римку клониться к его обыкновенному,

в сущности, плечу, а мелкое хулиганье – спешно ретироваться. У него не было ни товарищей, ни родных. Зато была семья: три девки – Римка, Анжелка и Лёка. Имя Элона Селеверову категорически не нравилось, и он заменил его на более понятное и привычное слуху. Жена протестовала, а Олег, сжимая ее в объятиях, говорил всегда одно и то же: «Потерпи, Муся. Всё будет…» И Римка терпела: и Лёку, и Мусю, и мужнину строгость, потому что чувствовала – так и будет. Все-все…

Это «все-все» снилось ей ночами, а днем бултыхалось в животе, заставляя мириться с временными неудобствами. В частности, с матерью, несколько подзадержавшейся в Римкиной жизни.

Дуся, не осведомленная в вопросах районной генеалогии, смотрела на приближавшуюся к ней женщину с неподдельным интересом. Мадам Некрасова отвечала взаимностью. Невзирая на опьянение, она смогла соотнести несколько факторов: коляска для близнецов, чужая тетка с младенцем на руках, Ленинградская, девять. Этого было достаточно для того, чтобы всколыхнулись родственные чувства, и она заголосила:

– А ну-у-у, положь ребенка вза-а-а-ад!

Дуся приложила палец к губам и поскакала через лопухи в противоположную от коляски сторону, дабы вопли незнакомки не разбудили и без того чуткий сон девочки.

– А ну-у-у… стой… на хе-е-ер! Я сказала!

Ваховская на всякий случай остановилась. Римкина мать, едва держась на ногах, попыталась ускорить процесс, но потеряла равновесие и повалилась на землю. Впрочем, подобный форс-мажор не смог остановить обеспокоенную бабушку, и она заорала, с трудом выговаривая слова:

– Ри-и-имка! До-о-оча, твою ма-а-ать! Ребенка укра-а-али, а ты, бля-а-а, где-е-е? Лю-ю-ю-юди! – не теряла надежды пьяница. – Помогите!

Из окон стали выглядывать неработающие женщины и их дети.

– По-жа-а-ар! – на всякий случай заорала Римкина мать, после чего начали открываться окна, в том числе и итээровского дома.

Во двор стали стекаться любопытные, и Дусе ничего другого не оставалось, как вернуться на место преступления.

– Понимаете, – объясняла Ваховская соседям. – Я не украла. Отошла просто, чтобы не разбудить.

– А мать где? – поинтересовался кто-то.

– Я ма-а-ать, – донеслось с земли, отчего жительницы барака заволновались и раскричались, как на базаре:

– Да какая ты мать?

– Нормальная я мать, – сообщила им Некрасова и попыталась подняться.

– Да ты напилась – встать не можешь! – наскакивали на нее соседки. – Бабка уже, а все порешь и порешь.

Дуся растерянно крутила головой, не успевая следить за беседой.

– Не твое дело! – Римкина мать поднялась с земли и теперь стояла на карачках, раскачиваясь. – Су-у-ка!

Оскорбленная соседка бросилась в бой, но схватка не состоялась, потому что бабушка двойняшек мирно улеглась на землю и по привычке закрыла лицо руками.

– Стойте, – вмешалась Дуся. – Вы детей разбудите.

– Да ты вообще молчи, дылда! – взъярилась соседка, которая требовала сатисфакции, и переключилась на Ваховскую. – Ты вообще кто? Я сейчас в милицию позвоню!

– Правильно, – донеслось снизу: пьянчужка не переставала участвовать в процессе.

– Вы меня неверно поняли… – в который раз пыталась объяснить Дуся свое присутствие рядом с коляской.

– Ри-и-имка! – заорала ревнительница порядка и стукнула по стеклу.

Стекло звякнуло – Селеверова нехотя высунулась на улицу:

– Чего разорались?!

– Ты дрыхнешь, что ли? – почти миролюбиво поинтересовалась соседка.

– Ну-у-у… – Римка не тратила время на объяснения.

– Не нукай, я тебя возить не нанималась, – соседка за словом в карман не лезла. – Ты когда в последний раз своих детей видела?

– Вон одна, – Римка ткнула пальцем в Дусю. – Вон другая, – ткнула в коляску.

– Ты чо? – подняла брови соседка. – Самая богатая? Няньку наняла? Умаялась, что ли?

– Это не нянька…

– А кто это?

– А тебе какое дело? – Селеверова перелезла через подоконник и спрыгнула в лопухи.

– Вы понимаете… – в который раз встряла в разговор Дуся.

– Ты помолчи давай, – оборвала ее Римка, подошла к соседке и, сверкнув глазами, прямо спросила: – Тебе делать нечего?.

– Мне-то есть чего!

– Вот иди и делай тогда свое дело. А ко мне не лезь! Поняла?

Соседке не хотелось сдаваться:

– Мужа своего учи, лахудра!

– Что вы! Женщины… – вновь попыталась вернуться к своей миротворческой миссии Дуся.

– Закрой рот! – одновременно заорали на нее все, и Ваховская выложила ребенка в коляску.

Римка прищурилась и тихо проговорила:

– Ты моего мужа не трогай. За своим следи. А то не уследишь: очень много разговариваешь. Как бы к молчаливой не ушел!

– Это к тебе, что ли? – скривилась соседка.

– Ну почему ко мне? – ехидно заулыбалась Селеверова. – Если бы ко мне, то понятно – молодая, красивая. А то ведь к Нюрке. Такая же, как ты, только разведенная, а потому покла-а-адистая, сговорчивая, безотказная.

Соседка залилась краской, но промолчала. С ненавистью разыскала в толпе ту самую Нюрку, пожимавшую плечами, задрала голову вверх и еле слышно проговорила:

– Да чтоб ты сдохла!

– Не дождешься! – пообещала ей Римка и покатила коляску вдоль барака, прямо по траве.

– Мать свою прибери! – закричала ей вслед соседка.

– Тебе надо, ты и прибери! – буркнула себе под нос Селеверова и обогнула барак, даже не вспомнив о той, которая битых два часа несла вахту около ее девочек.

И не она одна: весь двор благополучно забыл, по какому поводу разгорелся скандал. Какая еще Дуся? И без Дуси есть чем заняться…

Сама Евдокия Ваховская ломать голову над произошедшим не стала. Она просто покинула двор на Ленинградской, как и собиралась несколько часов назад. Дуся торопилась к своим взлелеянным огурцам, семена которых бережно хранила всю зиму в бумажном пакетике из-под порошковой аскорбинки.

Сажала Ваховская много. Поначалу соседи подозревали ее в желании обогатиться, а потом, получив в подарок корзинку-другую, сердечно благодарили. Но стоило Дусе закрыть за собой дверь, крутили пальцем у виска: мол, не дура ли? Ясное дело – дура. Нормальный человек разве станет задарма раздавать? Нормальный не станет. Но она-то понятно! Одного взгляда достаточно – дура есть дура.

Подобные умозаключения не мешали соседям вкушать Дусины дары: знатные были огурцы – хрусткие, пупырчатые; помидоры – и того краше, сладкие, мясистые. Такие на рынке не копейку стоят. Цена вопроса, к слову, Ваховскую не интересовала. Дусей двигал интерес: что получится? Поэтому над овощной завязью она тряслась, как курица над яйцом: чтобы тепло, чтобы влажно, чтобы только росло. Вот у нее и росло. Как на дрожжах. Соседи по участку приходили и завидовали. Возвращались к себе – и снова завидовали, успокаивая себя тем, что дуракам везет, а им – некогда, потому что семья и дети. И муж пьющий. И вообще, может, она их разведенным дерьмом поливает? Куриным. А то и сказать стыдно…

Ничем таким Дуся свои огурцы (помидоры, перцы, капусту, баклажаны и все остальное) отродясь не поливала. И рука ее никакой особой легкостью не отличалась. Она просто жила по растительному расписанию и постоянно вела с овощами какой-никакой, а разговор. Одним словом, ничего удивительного. Сплошные закономерности, считала Дуся.

Похоже, что и Римкина неблагодарность воспринималась ею как нечто естественное. Во всяком случае, поливая нагревшейся на солнце водой свои знаменитые огурцы, Ваховская не чувствовала себя обиженной. Наоборот, ей

казалось, что все произошедшее – это не случайно, это для чего-то, это знак, должно быть. А чем же еще можно объяснить тот факт, что весь день происходили какие-то подозрительные совпадения: очередь в консультации – рядом, домой шли – вместе, дома – на одной улице, в одном дворе. «Надо подумать!» – решила Дуся и присела на прогретое солнцем крылечко.

– Петро-о-о-вна! – донеслось из-за забора.

Ваховская приподнялась.

– Огурцы не снима-а-ала? – полюбопытствовала соседка.

– Нет, – честно призналась Дуся.

– Смотри, соберут, глазом не успеешь моргнуть… И куда тебе столько?

Обычно в этом месте Ваховская переспрашивала:

– Может, возьмешь?

– Да что ты! – для приличия отказывалась соседка. – Если только парочку… попробовать…

Вместо парочки оказывалась полная корзинка, оттягивавшая руку, да так, что соседку кренило то вправо, то влево.

Сегодня Дуся на намеки заботливой соседки реагировала крайне вяло. Точнее, совсем не реагировала. Не догадывалась, и все тут.

– Петровна! – возмутилась женщина. – Ты не захворала?

– Не-е-е, – обнадежила соседку Дуся. – Завтра соберу – лень чего-то. А ты чего сама-то хотела?

– Я-то? – переспросила женщина. – Просто спросила. Может, помочь?

– Не надо, – отвергла соседскую помощь Дуся и начала складывать инвентарь под крыльцо.

Перед уходом Ваховская всегда обходила принадлежавшие ей владения: радовалась плодам своего труда. Проведя ритуальный осмотр участка, Дуся остановилась – было как-то не по себе. Она не привыкла уходить из сада с пустыми руками. «Да что же это я?!» – стукнула себя по лбу Ваховская и начала собирать урожай.

«Пожалела!» – презрительно подвела итог подглядывавшая за Дусей из-за забора соседка и обиделась, потому что привыкла рассчитывать на соседскую щедрость: «Ей-то столько зачем?»

«Какая тебе разница зачем?» – могла бы ответить Дуся, но мысли на расстоянии она читать не умела. Да даже если бы и умела, никогда бы так не ответила, потому что всех на свете подозревала в исключительной порядочности и искренней доброжелательности. А как же иначе? Она-то так! И женщины в цеху – люди, и соседи – люди, и девочка эта, Римма, кажется, – тоже человек. А человек человеку друг. Так почему же не сделать приятное? Этому другу, молодой маме и просто замученному, усталому человеку?

Домой Дуся летела как на крыльях. И неважно, что на каждое крыло причиталось по нескольку килограммов огурцов. Добро невесомо. Ничего не весит, ничего не стоит.

– Извините, – прошептала Ваховская непонятно кому и тихо забарабанила по стеклу Римкиных окон.

Довольно долго не отвечали. Дуся постучала еще раз: занавеска отъехала в сторону, и над подоконником навис крупный мужчина с нечистым, рябым лицом.

– Ой! – смутилась Ваховская и сделала пару шагов назад.

– Ну… – грозно сдвинул брови рябой.

– Извините, пожалуйста, за беспокойство, – шаркнула ногой Дуся и выставила перед собой ведро с огурцами. – Возьмите…

Мужчина медленно перевел взгляд с переполненного ведра на женщину в нелепой соломенной шляпе с бахромой и поинтересовался:

– Сколько?

– Что сколько? – не поняла Дуся.

– Рублей сколько?

– Нисколько. Это девочке вашей. Римма, по-моему…

– Жена, – немногословно поправил Селеверов.

– Жена? – изумилась Ваховская.

– Ну…

– Возьмите, пожалуйста. Это из сада. Свои. Хотите – на засолку, хотите – так. Скажите, Дуся… Евдокия приходила… Не надо денег…

– Понял, – оборвал Олег и жестом показал Ваховской, чтобы подошла поближе.

Дусе не пришлось повторять дважды. Она легко подхватила ведро и поставила его на подоконник:

– Вот, – улыбнулась Ваховская и замерла.

Селеверов взял ведро и исчез за занавеской. Через минуту появился и крикнул вслед уходящей Дусе:

– Эй, тетка! Как там тебя… Евдокия?

Ваховская обернулась.

– Сюда подойди.

Дуся приблизилась к бараку.

– На… – протянул он ей пустое ведро и, больше не говоря ни слова, скрылся в глубине комнаты.

Ваховская заглянула в ведро и обнаружила там три рубля.

– Господи! – расстроилась она и, вытащив трешку, покрутила ее в руках. Деньги жгли бессребренице руки. Дуся потопталась на месте и как-то умудрилась засунуть деньги под занавеску. Трешка упала на пол, а Евдокия Петровна Ваховская на цыпочках направилась к своему подъезду. Сидевшие на лавочке бабки с завистью посмотрели на второе заполненное огурцами ведро.

– Хороший урожай!

– Угощайтесь! – ответила Дуся и поставила ведро на скамейку.

– Ой! Дусенька! – запричитали истосковавшиеся по летним витаминам пенсионерки. – Дай бог тебе здоровья, дочка. И жениха хорошего!

– Кого? – смутилась Дуся.

– Мужчину-мужчину, – в один голос зашептали соседки и понимающе заулыбались.

– Глупости какие! – покраснела Ваховская и махнула рукой.

– Ты рукой-то не маши! – прикрикнула на нее одна из них, похоже старшая. – Одна живешь. Детей бог не дал. Захворашь, кто поможет? А тут все вроде мужик в доме: где подать, где гвоздь вбить, где чего…

– Я и сама могу, – не к месту заявила Дуся и нацепила на лицо строгое выражение. – Ведро верните.

Бабки засуетились вокруг ведра и, как только Ваховская исчезла в темноте подъезда, вынесли приговор:

– Дура она и есть дура. Ей люди добрый совет, а она брезговат. На себя б посмотрела – чухонка чухонкой, так и помрет в девках.

– Зато в отдельной квартире! – добавил кто-то, чем настроил всех против Дуси. – Ей вот она зачем? Барыня!

Бабки синхронно сложили руки на животах, поджали губы и разом замолчали. Невзирая на огурцы, соседское настроение оказалось окончательно испорчено, а вместе с ним – и чудный июльский вечер. Проклиная неблагодарную соседку на все лады, бабки разбрелись по домам.

Иное дело Дуся, за спиной которой оставалась уже добрая половина отпуска. Не признававшая усталости, она сидела в ванной на деревянной скамеечке, опустив свои большие разлапистые ноги в таз, и смотрела в глубь себя, чему-то блаженно улыбаясь. Евдокия Ваховская вновь и вновь проживала ощущения прошедшего дня: и как под влажными ладонями скользила ручка огромной красной коляски, и как горело под правой грудью от дыхания покряхтывавшей девочки, и как звенело в ушах из-за перебранки во дворе, и главное – как смотрела на нее Римка, там – в очереди… И плакала как…

«Сколько вот ей лет? – размышляла Дуся, вынимая из таза то одну ногу, то другую. – Восемнадцать? Девятнадцать? Двадцать? А уже – замужем. И двое детей. И беременна. Живет в бараке. Муж какой старый. Рябой. И эта женщина. Мать, говорили. Та, что на земле валялась… Если б у меня дети были, разве б я на земле валялась? – сама себя вопрошала Евдокия. – Я б не то что не валялась, я б на крыльях летала. На радуге бы сидела – и дочка рядом».

Нет, Дуся не роптала. Она искренне изумлялась очевидным обстоятельствам и мучительно переживала свои открытия. Они нарушали понятный ей миропорядок и порождали в душе смятение, заставлявшее осуждать. А осуждать Евдокия не любила, точнее, не могла. Боялась, потому что истово верила: «Не осуди, да не осудим будешь». «Так говорил папа, так говорил батюшка в церкви на Верхней Полевой, и Христос тоже так говорил и нам завещал», – напоминала себе Дуся и успокаивалась. «Бог терпел, и нам велел, – подводила итог Ваховская и зачем-то добавляла: – Аминь». Помогало. Иначе как бы смирилась она с непреодолимым сиротством, сопровождавшим ее всю жизнь? Ушла мама – значит, так надо. Папа вот умер – Бог прибрал. Замуж не вышла? И этому есть объяснение: кто такую замуж возьмет?! Ну а вот что детей нет, тут, конечно, смириться трудно, но тоже возможно. Нет и нет. «На все Божья воля», –

уверил ее батюшка и допустил к причастию.

Дуся вылезла из ванны, тщательно вытерла распаренные ноги и раскорякой на цыпочках пробралась в комнату. Включила телевизор, чтобы было повеселее, и тут же выключила.

«Спать!» – скомандовала она себе и, расправив простыню, улеглась. Обычно Евдокия засыпала мгновенно, не успев на сон грядущий прочитать ни «Отче», ни «Богородицу», ни «Благослови, Господи». Обычно, но не сегодня.

Дуся ворочалась на кровати с боку на бок, пытаясь найти удобную для ее большого тела позу, но не тут-то было. Кряхтя, она поднялась, подошла к окну и выглянула во двор. В бараке напротив горели от силы три окна. Одно из них – то самое, на первом этаже. В груди екнуло. Дуся распахнула створки и замерла, прислушиваясь. Двор оглашал детский плач, переходивший в надрывный визг. «Не спят, маленькие», – посочувствовала женщина и легла грудью на подоконник.

Не спали не только «маленькие». Не спал Селеверов. Не спала Римка. Не спали соседи справа, сгоряча рекомендовавшие заткнуть «щенкам глотку». Визг набирал силу – рядом зажглись еще окна. Дуся занервничала и на всякий случай накинула на себя халат. Через пару минут непрестанного визга из окна во двор вылез сам Селеверов и протянул руки, принимая орущего младенца. Не говоря жене ни слова, Олег перекинул дочь через плечо и медленно пошел к тротуару, проложенному вдоль итээровского дома. Девочка надсадно кричала. Селеверов, не обращая внимания на визг, размеренно начал прохаживаться под итээровскими окнами, подскакивая через шаг, отчего ребенка встряхивало и визг на секунду прерывался. На свежем воздухе девочка довольно быстро уснула; во дворе зазвенела тишина. Измученный папаша, остерегаясь возобновления концерта, продолжал прохаживаться взад-вперед, поглаживая девочку по спинке.

Появилась взъерошенная Римка, толкающая перед собой коляску. Она возила коляску вокруг барака. Подкатив ее к мужу, она хрипло просипела:

– Клади. Уснула.

– Анжелка спит? – поинтересовался Олег.

Римка кивнула и что-то поправила в коляске. Селеверов осторожно переложил дочь. Та закряхтела, но проворная Римка затрясла коляску с такой силой, что у дочери не осталось другого выбора, кроме как подчиниться родительской воле.

– Иди спи, – приказала мужу Селеверова и подкатила коляску к Дусиному подъезду.

– Я посижу, – отказался Олег. – Иди сама. Вдруг Анжелка проснется.

– Не проснется, – пообещала Римка. – Она как слон дрыхнет. Не то что эта. Иди уже. Три часа тебе до подъема.

– А ты как же?

– Нормально, – заверила мужа Селеверова. – Если что, крикну… Иди.

Олег сдался и, разом отяжелев, побрел к бараку, в который, разумеется, намеревался попасть через окно. А Дуся, наблюдавшая с высоты своего третьего этажа, покинула квартиру, уговаривая себя необходимостью подышать свежим воздухом вместо сна.

Явление Евдокии пред Римкиными очами вполне могло бы закончиться нервным срывом, будь на месте Селеверовой человек менее закаленный.

– Здравствуйте, – поприветствовала Дуся растрепанную Римку.

– Здорово, – буркнула та и для проформы качнула коляску.

– Я все видела, – сообщила Ваховская и присела рядом.

– И что? – резонно поинтересовалась Селеверова.

– Ничего… – отмахнулась Дуся и со знанием дела сообщила: – Кишечные колики. У детей так бывает.

– Ну…

– Я говорю, тяжело вам как.

Римка повернула голову к собеседнице: горообразная, в халате, накинутом на ночную сорочку, чужая женщина смотрела на нее с искренней заинтересованностью. Селеверовой стало себя жалко и, чтобы вновь не расплакаться перед этим идолищем в тапках, с вызовом ответила:

– Тебе-то что за дело? Я вроде не жаловалась.

– Нет, конечно, – подобострастно затрясла головой Дуся. – Это я сама вижу… В коляске Элоночка, наверное. Я уже чувствую… Капризная девочка. Совсем маму не жалеет. Плачет и плачет. Это у нее животик боли-и-ит… Болит у девочки живо-о-о-отик… У ма-а-аленькой… – перешла на сюсюканье Ваховская, забыв о Римке. – Давай мамочку домой отпу-у-устим… Пусть мамочка отдохне-о-о-от. А Дуся с тобой похо-о-о-дит, побро-о-о-дит… А потом к мамочке привезет… Да, моя девочка… Да, моя Элоночка…

Селеверова смотрела на Евдокию как на сумасшедшую, в полной растерянности: то ли караул кричать (вдруг и правда психическая), то ли в ноги падать, чтобы не ушла и поспать получилось.

– Слышь, Дуся. Если что, тебе ж Селеверов ноги вырвет…

Ваховская вылупила глаза на озверевшую от усталости Римку и строго сказала:

– Зря вы так, Римма. Грех это…

Селеверовой стало не по себе. Она отодвинулась от говорящей совести в цветастом халате и заворчала, то ли объясняя, то ли извиняясь:

– Грех не грех, а это дети. Понимать должна, не куклы. Эта особенно, крикливая. Я их не для того рожала, чтоб чужой тетке сплавить. Я их бабке-то родной на руки взять не разрешаю, потому что уронить может, забыть где-нибудь, кипятком обварить – не просыхает ведь. А ты, между прочим, никто и звать тебя никак. А туда же – давай, мол, покараулю.

Ваховская внимательно выслушала непривычно многословную Римку и строго повторила:

– Зовут меня Дуся. Евдокия Петровна Ваховская. Живу я в этом доме, вот в этом подъезде, на третьем этаже. В Бога верую и никому дурного не желаю. Если только помочь. Ребенка не уроню, не забуду, кипятком не обварю. Ничем не болею, на ногах стою твердо и себя содержу в чистоте и аккуратности.

Селеверова от бессилия застонала. Вот если бы на нее нападали, она бы точно нашлась. Рожу бы расцарапала, а то еще проще – кирпичом по башке. А здесь что делать?

– Обалдеть! – подвела итог Римка. – Ну тебе чего надо-то, Евдокия? Ну на хрена тебе чужие какашки?

– Я же вам днем объясняла: живу одна, родных нет, детей нет, мужа нет. Жизнь пройдет – вспомнить нечего. А я ведь еще в силах, на пенсию даже не вышла, мне пятидесяти даже не исполнилось, а никому не нужна, никто не вспомнит. Никто в гости не зайдет. Так, думаю, помогу хоть. Вы не бойтесь, я навязываться не буду. Позовете – приду, а не позовете – стороной обходить буду…

Селеверова сидела словно оглоушенная. Все слова этой странной тетки в халате были ей известны: «муж», «дети», «родные», «гости», «помогу». Но вместе с тем это были совершенно незнакомые слова, слова без смысла, без значения. И смысл, и значение придавала им эта нелепая баба, приставшая со своей помощью к ней, к Римке, как банный лист. Под мерное Дусино бормотание Селеверова начала погружаться в дремоту и, понимая, что еще секунда – и она отключится, сдалась:

– Ладно. Уговорила. Если что – кричи. Окно открыто. Заплачет – возьму. Все равно скоро кормить.

– Хотите, я могу там встать? – Дуся показала рукой по направлению к бараку.

– Не надо, – отказалась Селеверова. – Здесь сиди. Ноги-то поди не железные.

Ваховская от волнения мелко затрясла головой и судорожно схватилась за ручку коляски.

* * *

Так началась новая жизнь, понимаемая Дусей как долгожданное счастье. У счастья был свой градус, повышавшийся день ото дня. И своя среда обитания. Счастье тянулось по невидимым проводам, соединявшим пространство барака с пространством квартиры номер восемь итээровского дома.

Во сне счастье представлялось Евдокии маленькой девочкой, сидящей на радуге: немного Анжелой, немного Элоной. «Вставай! – будило оно Дусю по утрам. – Вставай, а то жить опоздаешь!»

Чтобы не опоздать, Ваховская торопилась, пытаясь исчислять очередные сутки тридцатью шестью, а то и всеми семьюдесятью двумя часами. Дуся судорожно проживала пропущенную, в сущности, ею жизнь.

«Это мне Боженька послал!» – ликовала она, испытывая незнакомое ощущение полноты бытия. И пусть в нем не было всего многообразия ролей, отпущенных женщине, зато те немногие, что так неожиданно получила в дар Евдокия, примерялись вдохновенно и радостно.

– Се-ле-ве-о-о-оровы! Анже-э-э-ла! Эло-о-о-она! Собирайтесь! – голосила воспитательница в детском саду. – За вами бабушка пришла!

Выходила толстая Анжела. Капризно топала пухлой ножкой и строго поправляла воспитательницу:

– Это не бабушка.

– Не бабушка? – закатывала глаза воспитательница. – Значит, мама.

– Не мама, – басила Анжела.

– Это Ду-у-у-ся! – выбегала худющая Элона и со всего маху врезалась в твердые и большие коленки, прикрытые по сезону либо юбкой, либо теплыми шароварами с начесом.

Ваховская выводила своих «девулек», держа за руки, и степенно шла к детсадовским воротам, возвышаясь над аттракционами детской площадки.

– Ну… – дергала она девчонок за руки. И те, как послушные марионетки, запрокидывали свои головы. – Куда пойдем? Ко мне? К маме?

– К тебе! – взвизгивала Элона и пыталась обнять Дусину ногу.

– К тебе, – соглашалась Анжела и хваталась за что придется, а то и просто прижималась к шершавой Дусиной руке, чтобы, не дай бог, не досталось этой противной девочке, которую почему-то все, кроме мамы, называли Лёка и гладили по голове, потому что она «вся насквозь больная».

Элону было жалко. В глубине души Дуся любила ее больше, хотя всячески себя за это ругала. «Ну в чем Анжелочка-то виновата?» – задавала она себе один и тот же вопрос, особенно когда наблюдала за воспитанницами. «Ни в чем!» – сам собой напрашивался ответ, но почему-то следом, бегущей строкой, мигало: «здоровая», «толстая», «себе на уме»…

Ради любви к болезненной Элоне, капризной и вспыльчивой, но невольно соединившей ее с Селеверовыми, Дуся даже с работы хотела уйти, да товарки по цеху отговорили. Пенсия скоро. Зачем людей смешить? Всего-то год доработать. Вредное же производство.

– Ну не справляется Римма! – объясняла им Ваховская.

– Да кто она тебе? – бушевали женщины. – Даже не родня. На квартиру твою поди зарится.

– Да как вы можете?! – негодовала Дуся и шла красными пятнами.

– Дура ты, Евдокия, – печально изрекала мастер.

«Сама дура!» – хотелось ответить Дусе, но она не решалась: обидится ведь человек, неловко как-то – сколько лет вместе.

«Всего год потерпеть», – уговаривала себя Евдокия, но ни о чем, кроме своих «вишенок», и думать не могла. Мало того, за эти три с половиной года она так вжилась в роль то ли бабки, то ли мамки, то ли незаменимой няньки, что в глубине души начала считать главной в жизни девочек себя, а не Римму.

Как только Дуся обнаружила в себе это свойство, то тут же отправилась в церковь и, выстояв огромную очередь к батюшке, опустилась на колени и начала каяться в собственной гордыне. «Виновата, виновата, виновата…» – отвечала Дуся на все вопросы священника, не улавливая их смысла. Выслушав внимательно, поп поднял прихожанку с колен и, строго глядя ей прямо в глаза, пробасил:

– Чего-то ты, раба Божия Евдокия, заговариваешься. С такими грехами, мать, и в церковь входить нельзя.

– А? – осеклась Дуся и сгорбилась.

«Вот тебе и а», – хотелось ответить уставшему от людского несовершенства батюшке, но канон требовал другого:

– Молись Отцу нашему… – посоветовал тот прихожанке и зычно выкрикнул: – Сле-е-едующий!

Ваховская вышла из церкви в смятении: гордыня не отпускала. «Больше не пойду!» – поклялась она, имея в виду Селеверовых. Но обещание не сдержала и, потратив на размышления целую ночь, утром отправилась по знакомому маршруту, обещая себе усмирить гордыню во что бы то ни стало.

Избавиться от чувства собственной значимости Евдокии Петровне Ваховской удалось. Не сразу. Постепенно. Во многом благодаря Олегу Ивановичу Селеверову, воспринявшему появление Дуси как прекрасную возможность направить свою энергию в более благодарное, чем воспитание детей, русло. В конце концов, кто, как не он, пообещал своей Мусе «все золото мира»?

«Дал слово – держи», – подбадривал себя Олег Иванович, изучая Устав КПСС. Именно там, думалось ему, и зарыта удача. Неужели еще сто лет ждать, пока из мастера участка попадешь в кресло начальника цеха и так по восходящей. Есть путь и короче: устав – партия – партком. А там и до собственной квартиры недалеко. Главное, отбросить все лишнее: конкурентов, родственников жены и еще эту, навязавшуюся ему на голову… Нет, ей спасибо большое, конечно. Но каждый день видеть дома эту тетку двухметрового роста?! Увольте. И вот ведь что обидно: одна, как перст, но зато в квартире. Где, спрашивается, справедливость?

– Олежа, – прижималась к нему ночью жена. – Если бы не Дуся!

Селеверову становилось стыдно, и он с готовностью поддакивал Римке, таким образом маскируя недобрые дневные мысли.

– Поговори с ней, – начинал издалека Олег Иванович.

– Об отпуске?! – уточняла недальновидная Муся.

– О квартире, – менял направление беседы хитрый Селеверов.

– Даже не думай! – взвивалась жена и со злостью тянула на себя одеяло. – Пока сама не предложит, рта не открою.

– А чего это ты такая принципиальная стала? – ехидно интересовался Олег. – Или боишься, что без родственников скучно станет?

Римка приподнялась на локте, заглянула в мужнино лицо и, недобро сощурив глаза, проговорила:

– Ты меня моими родственниками не попрекай. Я их себе не сама выбирала. Твои-то чем лучше?

Селеверов, чувствуя, что жена разошлась не на шутку, решил сбавить обороты:

– Не знаю. Я их не видел.

– Может, потому и не видел, что они почище моих? Нас мать в роддоме, между прочим, не оставляла.

– А может, лучше бы оставила?

Римка от неожиданности села в кровати и ткнула мужа в плечо:

– Слышь ты-ы-ы-ы, умный…

Олег Иванович расположился рядом, обнял жену за шею, а потом, опрокинув, неожиданно сжал с такой силой, что Римка дернулась и замерла.

– Рот закрой! – прошептал ей на ухо Селеверов. – А то вот те, – кивнул головой в сторону сопевших во сне дочерей, – тоже будут думать, что их мама в роддоме оставила. Шучу, Муся…

Римка молча отвернулась к стене и накрылась с головой одеялом. «Разведусь на хрен», – пообещала она себе и затаила на мужа обиду.

– Каждый сверчок знай свой шесток, – заявил утром Олег Иванович, презрительно глядя на свою Мусю.

«Каждый сверчок знай свой шесток!» – внушала себе озабоченная смирением гордыни Ваховская и ходила челноком перед окнами Селеверовых.

– Дуся! Дуся! – верещали девочки и прижимались к стеклу маленькими носами, отчего те не просто приминались, но еще и белели.

– Уйдите! Уйдите! – грозила пальцем Ваховская, а потом, не выдержав, бросалась к окну и целовала сквозь стекло белые пуговицы детских носиков.

Подошла Римка, махнула рукой, мол, заходи. С собачьим выражением лица Дуся вопросительно посмотрела на самую богатую, в ее представлении, женщину мира, от которой зависело счастье. Да что там счастье! Жизнь зависела. От нее и, наверное, немного от этого рябого неразговорчивого строгого мужчины, которого она, Дуся, даже за глаза называла Олег Иваныч.

Евдокия нутром чувствовала, что именно от него исходила невнятная угроза. Непонятно какая, но точно была. Не умея точно распознать собственные чувства, она объясняла их в свете генеральной своей вины и благодарила Бога за то, что не забывает об ее, Дусиной, просьбе о помощи в усмирении гордыни. Поэтому при виде Олега Ивановича Ваховская склоняла голову, всем видом демонстрируя полное послушание и смирение, и радовалась очередной победе над собой. Вот и сегодня, дождавшись выхода Селеверова из дому, она почтительно поприветствовала Хозяина в ответ на традиционное «Ну-у-у-у… Здравствуй, Евдокия».

– Ду-у-у-ся! – бросились к ней перевозбудившиеся от долгого ожидания двойняшки.

Римка, как обычно, манкируя правилами приличия, неприветливо буркнула:

– Ты где там застряла? Забирай давай этих оглашенных – вконец умотали: то им красный бант, то им косы. Эта особенно! – Селеверова без удовольствия посмотрела на Анжелику. – Какие тебе косы. Харя вон, как блин. Лоснится уже. Чем ты их кормишь?

Дуся потупилась, а юркая Элона предательски процитировала:

– «Пирогами, и блинами, и сушеными грибами…»

– Дура! – не осталась в долгу Анжелика и ткнула сестру в спину.

– Анжелочка! – бросилась Дуся к надувшейся как мышь на крупу воспитаннице.

– И ты дура! – успокоила ее девочка и промаршировала к выходу.

Подлетела Римка, влепила дочери подзатыльник, сорвала с вешалки детские шубки и скомандовала:

– Одевайтесь уже! И ты тоже давай.

Элона вопросительно подняла бровки и поправила мать:

– Пожалуйста…

– Я тебе щас дам «пожалуйста»!

Девочка посмотрела на раскипятившуюся Римку и в очередной раз процитировала:

– «Ласковое слово и кошке приятно…»

Дуся с гордостью взирала на свою любимицу, пожиная плоды своего нравственного воспитания. Селеверова позеленела от злости и, выставив за порог одетую Анжелику, раздраженно бросила Евдокии:

– Твоя, что ли, школа?

Вместо Дуси ответила Элона, пытавшаяся натянуть соскальзывающую с плеча шубку:

– А Дуся мне кто? Баба?

– Деда! – съязвила Римка.

– Баба? – переспросила девочка.

– Тетя, – успокоила ее мать.

– А почему? – продолжала допрос Элона.

– А потому… – Селеверова взяла паузу.

– Почему? – топнула ногой дочь.

– Потому что бабы живут вместе с внучками. В одной квартире. А тети – отдельно. Поняла?

– Поняла, – ответила смышленая Элона и, протянув Дусе руку, скомандовала: – Пойдем, тетя.

– Слушай, – остановила Ваховскую Римка. – А ты чего не на работе? Вроде твоя смена?

– А я отгул взяла. Медосмотр прохожу. К пенсии готовлюсь. Думаю, заодно и тебя разгружу. Что в садик, что в поликлинику – в одну сторону. Я их и забрать могу: пусть у меня вечером побудут.

– Не надо! – резко оборвала Селеверова Дусю. – Нечего их к удобствам приучать, а то, смотрю, каждая свой горшок требует – в туалете им пахнет, видишь ли, противно. Привыкли у тебя! Конечно, курорт со всеми удобствами! Так они скоро домой идти откажутся. Избаловала мне девок.

– Ду-у-у-ся! – донеслось из коридора. Двойняшки стояли лицом к двери и пинали ее ногами. Между сестрами шло соревнование, кто громче, кто сильнее. – Ду-у-у-ся!

– Иди уже, – приказала женщине Римка и распахнула дверь в тот момент, когда наступила Анжелина очередь пинать этот залатанный кусок фанеры. Как и следовало ожидать, девочка не удержалась на ногах и кубарем ввалилась в комнату.

– Вставай, корова! – Мать попыталась за воротник приподнять мутоновый тюк с нахлобученной на него ярко-красной шапкой. Не тут-то было. Воротник выскользнул из рук, и Анжелика снова рухнула на пол. Элона захихикала и на всякий случай поддала сестре валенком в бок.

– Прекратите немедленно! – вмешалась Дуся, пытаясь одной рукой поднять с пола разом отяжелевшую Анжелику, а другой – оттащить от нее подловатенько хихикавшую Элону. – Нехорошо, девочки!

Анжелика перевернулась на живот, встала на коленки, кряхтя, поднялась и потопала к выходу. Сестра двинулась за нею следом, периодически оборачиваясь и показывая Ваховской язык.

– Щас получишь! – пообещала мать и догнала Евдокию. – Слышь, Дусь. Ты вечером их домой веди. Пусть отвыкают, а то привыкли – после сада сразу к тебе. Не жизнь, а малина. Скоро родителей признавать перестанут.

– Римма, ну что вы говорите? – Когда Дуся волновалась, то автоматически переходила на «вы». – Пусть побудут… Часок-другой, и я их приведу. Покормлю, почитаю.

– А в другом городе им кто почитает?

– В каком другом городе? – опешила Ваховская.

– Олегу обещают. Здесь-то ничего. А там – квартира. Отдельная. Двухкомнатная. Надоело в этом гребаном бараке гнить. Девкам на следующий год в школу, а они – на раскладушках. Надоело. Надо уезжать.

Услышав сбивчивое Римкино непонятно откуда взявшееся вранье, Дуся разом просела, как мартовский сугроб, и, не говоря ни слова, бросилась догонять воспитанниц.

«Зачем сказала?» – самой себе удивилась Римка и, тщательно притворив дверь в комнату, подошла к окну.

Словно в замедленной съемке, в сумерках зимнего утра удалялись три медведя: один большой и два маленьких. Почему-то Селеверовой стало их жалко. А еще больше стало жалко себя, застрявшую на полдороге к счастью. «Всё будет», – напомнила себе мужнины слова Римка и в тоске бухнулась на кровать. «Бу-у-у-дет. Бу-у-удет… Только неизвестно когда».

«Вот оно! – догадалась Ваховская. – Божье испытание. И правильно – не перечь. Не перечь, Дуся. Не стой на пути у молодых – пусть едут… А вдруг позовут?» – замаячило в Дусиной голове. «Не позовут! Каждый сверчок знай свой шесток!» – голосом Олега Ивановича отвечало невидимое существо, сидевшее где-то внутри: то ли в ушах, то ли в затылке. «А если позовут?» – не переставала надеяться Ваховская, но невидимое существо уже голосом батюшки из церкви на Верхней Полевой отвечало: «А ты, раба Божия Евдокия, смирись. Смирись и не ропщи…»

Проводив девочек в группу, Дуся впервые не остановилась у окна за обязательной порцией воздушных поцелуев, а быстро-быстро пошла к воротам. Растерянные Анжелика и Элона во все глаза смотрели вслед потерявшей память Евдокии, семимильными шагами удалявшейся от детского сада.

Полдня Ваховская провела в заводской поликлинике, пересаживаясь с одного стула на другой в зависимости от рекомендованного в карточке узкого специалиста.

– На что жалуетесь? – не глядя в глаза, спрашивали доктора.

Евдокия смотрела на докторское темя и уныло отвечала:

– Не жалуюсь.

«Пр. здорова», – делал вывод узкий специалист и подтверждал его собственной печатью.

В регистратуре Дусину карточку внимательно изучила дежурная медсестра и печально обратилась к коллегам:

– Господи, ну бывают же люди! «Пр. здорова», «пр. здорова», «пр. здорова». Ну лошадь просто, а не человек. И еще вредное производство!

Ваховская нагнулась к окошечку и тихо спросила:

– Вы что-то сказали?

– Это я не вам, – пояснила медсестра.

– А мне?

– А вам – зеленый свет и счастливого пути в прекрасное пенсионное будущее.

– И вам тоже, – искренне пожелала в ответ Ваховская.

– Как же! И мне! – огорчилась регистраторша. – «Пр. здорова!» Посиди здесь – будешь «пр. здорова»! Нервотрепка одна! Психи кругом, и каждый на вредное производство ссылается. Я, можно подумать, их на это вредное производство засылала. Денег хотели – получите. А инвалидностью своей мне нечего тыкать… – разошлась женщина, почувствовав безобидность стоявшей по ту сторону стеклянного окошечка Дуси. – Мне вот инвалидность никто не даст. Мое производство не вредное! А ты вот попробуй! – выкрикнула она непонятно в чей адрес, и в сердцах захлопнула регистрационный журнал.

– До свидания, – попрощалась Ваховская и отправилась в гардероб, где услышала не менее гневную тираду о несправедливости распределения благ между работниками завода и здравоохранения.

– На! – вывалила перед Дусей гардеробщица неподъемное пальто, сшитое из сукна, предназначенного для парадных шинелей, и посаженное на двойной ватин.

Ваховская подхватила одежду с очередным «спасибо», услышав которое бабка злобно посмотрела на Дусю и заворчала:

– Нарочно, что ли! Ты б еще туда песка насыпала. Не поднять. Все руки оторвала, пока подавала.

Ваховская покинула заводскую поликлинику с чувством непреодолимой вины за то, что «пр. здорова», что пальто у нее тяжелое и сама она «лошадь, а не человек».

По пути Евдокии попадались знакомые заводчане: останавливались, заглядывали в глаза, поглаживали по рукаву, одним словом – интересовались. Дуся отвечала на вопросы, тоже поглаживала по рукавам и даже что-то спрашивала в ответ, плохо понимая, кто перед ней и зачем это все. Под ногами чавкала каша из разъеденного солью снега и песка, с деревьев капало: наступила обманчивая февральская оттепель, грозившая простудами. Суконные ботики «прощай, молодость» пропитались отрыгнувшейся от февральского снега водой, но от этого Дуся не испытывала никаких неудобств: она словно потеряла всякую чувствительность. «Практически здоровая» Евдокия Петровна Ваховская при всем своем внешнем богатырском великолепии являла собой существо слепое, глухое, немое и глупое.

Словно притопленный не до смерти котенок, нахлебавшийся воды и дрожащий от смертного холода, тряслась Дуся в своем парадном зипуне, пробираясь к знаменитому итээровскому дому, где ее ждала эта невозможная, ненужная ей отдельная квартира со всеми удобствами.

«Не квартира, а склеп!» – с отчаянием подумала Ваховская, переступив порог. Не разуваясь, прошла на кухню. Автоматически заглянула в холодильник, автоматически отметила, что творог вчерашний – «девочкам не давать». Автоматически присела на табурет, расстегнула пуговицы на пальто. Автоматически посмотрела на часы: «в саду полдник». И горько заплакала, выложив на стол свои крупные шершавые руки.

«Не плачь, Дуся!» – тикали ходики. «Не плачь!» – взревел и заурчал холодильник. «Не плачь!» – затенькала за окном синица и постучала клювом по пустой кормушке.

«Буду!» – объявила им Дуся, и слезы высохли. «И правда, чего это я?» – неожиданно удивилась она и свалила с плеч свой суконный панцирь.

«Вот и хорошо!» – снова затикали ходики, напоминая хозяйке подтянуть гирьку. «И замечательно!» – умолк холодильник. «Правильно!» – тенькнула синица и требовательно посмотрела через стекло на женщину, забывшую насыпать в кормушку пшена.

Послушная Дуся отворила форточку, бросила пшенный бисер птице и ушла в комнату, где сидела до темноты, разговаривая сама с собой. Смириться не получилось. Ваховская приняла решение, встав на пути неумолимо надвигающегося на нее поезда по имени «судьба».

Дожидаясь, пока в бараке зажгутся знакомые окна, Евдокия времени зря не теряла. Она готовила речь, от которой зависело ее будущее: «И вот я скажу, – репетировала Дуся. – У меня никого нет. Умру – все равно квартира государству отойдет, а так вам достанется. И ждать нечего: вот ордер – живите… Жила же в коммуналке. И хорошо жила. По-доброму. Могу и в бараке… И вам хорошо, и я вроде как не одна…» Дальше Евдокии хотелось выкрикнуть: «Только девочек не забирайте! Не забирайте у меня их!» Но даже про себя она стеснялась это сделать. Потому что навязываться нехорошо. И вообще жаловаться – это грех. Пусть уж как Бог решит, так и будет.

К Селеверовым Дуся пошла во всем чистом, как к причастию. Дверь открыл Сам – рябой и темный. «Устает человек», – отметила Ваховская и поискала взглядом у него за спиной Римму с детьми.

– Здравствуйте, Олег Иванович, – поприветствовала его она.

– Ну… – посмотрел исподлобья Селеверов. – Здравствуй, Евдокия.

– Римма девочек привела?

Олег Иванович посторонился – в комнате никого не было.

– Нет еще. Застряла где-то. Может, в парке гуляют.

– Так ужинать же пора, – не удержалась Дуся, но через порог перешагнуть не решилась.

– Ты чего хотела-то? – утомленно поинтересовался Сам.

– Мне бы поговорить с вами.

– Говори, – разрешил Селеверов и показал рукой, чтоб зашла.

Евдокия разулась у порога и, не раздеваясь, прошла в комнату. Олег Иванович сел за стол – Дуся продолжала стоять рядом.

– Ну-у-у?

– Вот, – Евдокия положила на стол перед Селеверовым пожелтевший листок и любовно разгладила его рукой.

– Что это? – брезгливо поморщился Олег Иванович.

– Ордер, – выдохнула Ваховская и присела за стол.

– Чего-о-о?

– Ордер, – повторила Дуся и добавила: – На квартиру…

– На какую?

– На мою, – объяснила Ваховская и заторопилась. – На вашу…

– Ты что, Евдокия, шутки шутишь? – вскипел Селеверов.

– Не шутки! Не шутки! – зачастила Дуся. – У меня никого нет. Только вы. Вы – человек порядочный. У вас – семья. Девочкам – в школу. Все равно же умру рано или поздно. Так какая мне разница: живите. А я мешать не буду. Помогать буду. Вы с Риммой молодые. Вы не понимаете, а я… – Евдокия поперхнулась и слезно попросила: – Только не уезжайте, Олег Иванович. Живите… Девочки… – Ваховская не удержалась, заплакала. – Простите… Простите меня…

Селеверов тяжело оперся на стол и медленно встал. Дуся тайком посмотрела на Хозяина – лицо стало еще темнее. Ваховская опустила голову еще ниже, почти к столу, и, стараясь не осквернять тишину, продолжала еле слышно всхлипывать. Олег Иванович посмотрел сверху на Евдокию и, грубо схватив ту за воротник, встряхнул. Дуся от неожиданности вскочила, но тут же сильной рукой Самого была водворена на место. Селеверов нагнулся к лицу женщины и прошептал:

– А если я тебя в дом престарелых сдам? Или в психушку?

– Не сдадите, – храбрилась Ваховская.

– Это почему это?

– Не можете вы так, Олег Иванович. Совесть не позволит.

– А ты где мою совесть, Евдокия, видела? – горько усмехнулся Хозяин.

– Мне и видеть не нужно, – просто ответила Дуся и открыто посмотрела в пустые глаза Селеверова, где и увидела себя маленькой и изуродованной, как в кривом зеркале. – Бог совесть каждому дает, не у всех приживается…

Сам посмотрел в это, как ему казалось, глупое, идолово лицо и задал последний вопрос:

– Значит, говоришь, совесть у меня есть?

Дуся молча кивнула.

– Значит, есть, – медленно протянул Олег Иванович. И сделал уж совсем неправдоподобное.

Селеверов притянул Дусю к себе и обнял с такой силой, что даже богатырским костям Ваховской стало больно. Евдокия прежде не знала таких объятий, поэтому смиренно терпела, не смея подозревать Хозяина ни в любви, ни в дружбе. Да и скажи об этом Олегу Ивановичу, он бы тут же отпрянул. У этого чувства и последовавших за ним объятий было другое название – благодарность. Но ни Дуся, ни Селеверов не были натренированы вовремя ее распознавать. Одна была уверена, что помогать людям – это ее обязанность, другой – в том, что никому ничем не обязан.

– У меня еще и сбережения есть, – призналась Ваховская в самое ухо Хозяину. – Если что…

Когда Римка с двойняшками вернулись домой, Дуси уже не было, а Олег Иванович лежал на супружеской кровати, водрузив подушку на голову. В семье Селеверовых эта поза означала крайнюю степень отчуждения от близких: трогать Самого в этот момент было нельзя – об этом знали даже девочки, обычно совершенно бесцеремонные.

– Ти-и-ихо! – шикнула на возбужденных после улицы раскрасневшихся девочек мать. – Олег спит.

– Зачем? – поинтересовалась Элона.

– Потому что растет! – поспешила ответить обычно медлительная Анжелика.

– Ничего он не растет! – возразила шустрая Лёка, презрительно посмотрев на умную сестру.

– Растет, – стояла на своем Анжелика. – Во сне люди растут и спят.

– Нет, – покачала головой Элона и посмотрела на мать, ожидая поддержки.

– Хватит трещать! – зашипела Селеверова. – Тараторки!

– Нет! – рассердилась девочка и замахнулась на Римку.

– Я тебя выпорю, – буднично пообещала мать дочери и дернула за шарф.

– А я к Дусе уйду! – пригрозила Элона и обернулась лицом к двери, всем своим видом изображая готовность номер один.

– И я, – за компанию добавила Анжелика и, надув щеки, встала рядом с сестрой.

– Ну и пожалуйста, – легко согласилась Римка и распахнула дверь в коридор.

Сестры оказались перед неясной перспективой: от Дусиного рая их отделял путь, состоящий из длины барака, разрезанного наискосок темного двора и пяти лестничных пролетов. Легкий в летнее время, днем, в сопровождении взрослых, сейчас он казался девочкам непреодолимым.

– Чего встали? – спокойно поинтересовалась Римка. – Страшно?

– Нет, – быстро отреагировала Элона, а Анжелика благоразумно промолчала.

По коридору с визгом пронеслись соседские дети. Шаркая ногами, прошел местный инвалид, от которого разило за полверсты. Увидев младших Селеверовых, инвалид зачем-то сделал «козу» и растроганно прошамкал:

– Тю-ти, тю-ти, тю…

– Топай мимо! – скомандовала ему Римка, выглядывая из-за застывших на пороге детей.

– Злая ты, Римма, – жалобно ответил инвалид и прибавил шагу, а затем, удалившись на безопасное расстояние, задиристо прокричал: – Не то что мать!

– Ну-у-у-у… – разозлилась Селеверова, толкнув обеих дочерей. – Так вы идете или не идете?

– Идем, – задрала голову вверх Элона и с вызовом посмотрела на мать.

– Я не пойду, – отказалась от намерений старшая сестра и ретировалась в комнату.

– А ты? – поинтересовалась Римка у дочери.

Тогда залюбленная всеми Лёка преспокойно легла на пол и, выждав пару секунд, истерично завизжала, суча ногами. Мать даже не пошевелилась. Зато Олег Иванович вскочил как ошпаренный, отчего подушка упала на пол:

– Что-о-о-о?

– Ничо-о-о, – с выделенным ударением на «о» ответила жена, заметив, что лицо у Селеверова опухло, словно тот плакал.

Римка опешила и не нашла ничего лучше, как поинтересоваться:

– Ты что? Плакал, что ли?

Олег Иванович исподлобья посмотрел на жену и, скривившись, ответил вопросом на вопрос:

– Я тебе девочка, что ли?

Толстая Анжелика с интересом посмотрела на отца и замерла в задумчивости над заливавшейся настоящими слезами сестрой. Элона, лишенная обязательного в такой момент внимания, истошно голосила и звала Дусю:

– Ду-у-уся… Ду-у-у-сенька моя… Ду-у-уся… Забери меня. Возьми меня к себе… Ду-у-ся…

При слове «Дуся» Олег Иванович подошел к дочери, присел на корточки, расстегнул шубку, вытащил из нее девочку и взял на руки.

– Э-э-э-х, Лёка-Лёка! – как можно ласковее посетовал Селеверов. – Ну что же ты так надрываешься?!

Элона для проформы взвизгнула еще разочек и стащила с себя шапку, из-под которой показались взмокшие от пота волосы, напоминающие слипшиеся перья.

– Эх ты, цыпленок, – прижал к себе дочь Олег Иванович и подул той в ухо.

– Я сейчас этого цыпленка в духовку засуну, – проворчала Римка и погрозила разомлевшей дочери кулаком.

– Не на-а-адо! – завизжала Элона и вцепилась в отцовскую шею.

– Мама шутит, – успокоил ее Селеверов и скорчил жене зверскую рожу.

– Еще как надо! – никак не сдавалась Римма. – Будет она мне условия ставить, говнюха такая!

Чувствуя себя в полной безопасности, девочка повернула голову к матери и высунула язык.

– Ма-а-ама! Смотри! – тут же настучала на сестру Анжелика, успевшая разуться и даже поставить валенки к батарее.

Пока Римма пыталась сориентироваться на местности, Олег Иванович опустил Элону на пол и стремительно развернулся к старшей дочери. Анжелика с достоинством поджидала своей очереди. Селеверов распахнул объятия, и старшая дочь пушечным ядром ткнулась отцу в живот. Олег Иванович, крепкий мужчина, заметно пошатнулся:

– Ну что, колобок, соскучилась по папке?

Колобок важно сопел, безмолвно требуя своей порции ласки. Селеверов погладил по голове кудрявую Анжелу и подмигнул Римке:

– Дело есть.

Селеверова насторожилась. Ей, привыкшей к тяжелому взгляду исподлобья, строгому голосу и медвежьей медлительности мужа, его поведение показалось дурным знаком.

– Какое дело? – нарочито равнодушно поинтересовалась Римка.

– Потом… – пообещал Олег Иванович и смерил жену долгим ласкающим взглядом.

У Селеверовой по спине поползли мурашки. Чтобы скрыть растерянность, она оживленно захлопотала, на ходу сочиняя ужин.

– Не надо, – остановил ее супруг и обратился к девочкам: – К Дусе пойдем?

– Пойдем, – обрадовались сестры.

– Собирайтесь тогда!

– Зачем? – осмелилась возразить Римка. – Мыть их завтра. Завтра и пойдут.

– Собирайтесь, – не слушая жену, приказал Селеверов и скупо бросил: – Надо. Пусть привыкают.

Сестер не нужно было поторапливать. Неторопливая Анжела тут же начала подпрыгивать около вешалки, пытаясь снять шубы. Элона спешно тащила от раскаленной батареи не успевшие просохнуть валенки. Одна Римка посреди общей суматохи брякнулась на стул и решительно заявила:

– Я никуда не пойду. Этих не поведу. Нечего привыкать!

– Опомнилась! – пресек женину тираду Селеверов, а потом странно добавил: – Привыкли уже. Ломать нечего.

Анжелика и Элона через несколько минут стояли готовые, преданно глядя на отца, натягивавшего армейский бушлат, оставленный с дембельских времен на память.

– Сам отведу, – ничего не объясняя, объявил Олег Иванович и решительно распахнул дверь; до Римки только и донесся топот детей по барачному коридору.

– Куда это твои на ночь глядя? – поинтересовалась проходившая мимо комнаты соседка, периодически поглядывавшая на Селеверова со вполне объяснимым бабьим интересом.

– А тебе чего? – по привычке рявкнула Римка. – Идешь и иди.

– Я-то иду… – ехидно пропела той в ответ соседка.

– Вот и иди, – не осталась в долгу Селеверова и хлопнула дверью.

– Совсем Римка озверела! – сделала вывод соседка и предложила на общей кухне новую тему: – Бьет он ее, что ли?

– И правильно делает! – единодушно вынесло вердикт барачное сообщество. – Если такую на кулак не насаживать, порядка не будет. Халда такая!

Увлекшись разговором с соседкой, Селеверова пропустила момент, когда Олег Иванович пересек с девочками двор. Римкиному взору предстал только скудно освещенный лампочкой, выкрашенной красной краской, Дусин подъезд, на третьем этаже которого салютовала от неожиданной радости заплаканная Евдокия.

– Ко мне-е-е-е? – не поверила постучавшемуся в дверь счастью Ваховская.

– К тебе! – хором прокричали не менее счастливые девочки и с шумом ввалились в прихожую, теперь украшенную двумя хохломскими стульчиками.

– Снимай! – радостно прокричала Элона и протянула по направлению к Дусе ногу в валенке.

– Это еще что такое?! – возмутился Олег Иванович. – Сама разучилась? Сейчас домой пойдешь. Тренироваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bulatova_tat-yana/beri-i-pomni

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити